БРАКЪ
душии благочестивыя,
НЕБЕСНОМУ ЖЕНИХУ
ХРІСТУ СЫНУ БОЖІЮ
УНЕВѢСТИВШІЯСЯ,
краткимъ риѳмомъ сложенный,
БЛАГОЧЕСТІЯ РАЧИТЕЛЬНИЦѢ,
церкви отъ языкъ собранной
ПОКРОВИТЕЛЬНИЦѢ,
БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕЙ
ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ
ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ,
ИМПЕРАТРИЦѢ и САМОДЕРЖИЦѢ
Всероссійской,
отъ всеподданнѣйшихъ рабовъ
Казанскихъ новокрещенскихъ школъ изъ разныхъ народовъ собранныхъ учениковъ, въ знакъ достодолжнаго благодаренія
подносенный.

При Императорской Академіи Наукъ, 1769 года.

На сей дедикаціи въ верьху живописью изображенно древо многоплодное, на которомъ Хрістосъ Сынъ божій распятъ представленъ: при корени сего древа по одну сторону сидитъ душа благочестивая, а по другую Еллинъ разглагольствующій съ нею.

Еллинъ нѣкто служащій мужъ богу нечисту,
Странствующе къ собою намѣренну мѣсту,
Егда бѣднѣ отъ вара солнечна и зноя
Истаяше, вождел҄ѣ сладкаго покоя.
Видитъ древо при пути горѣ вознесенно,
Листвіями и цвѣтомъ чудно украшенно,
Къ немуже съ веселіемъ текъ благопоспѣшно,
Хотящъ тамо по трудѣхъ почити отишно:
Егдаже въ сѣни его желаетъ пребыти
И плоть свою разженну зноемъ охладити,
Зритъ при древѣ внезапу призракъ нѣкій страшный,
Зритъ зѣльно страшилище и позоръ ужасный.
Зритъ древа при корени изнемогшу дѣву,
Отъ болѣзни и труда едва едва живу;
Златоблищащіяся яже своя власы
Истерзала отъ главы подобнѣ, какъ класы.
Слезъ же непрестанные изливаху токи,
Темны отъ плача ея очи и глубоки,
И слышитъ рыданія и вопля презѣльна
Гласъ нѣкій, исполненный и плача умильна,
Иже сердце оному ужасомъ пронзаше,
Егда зъ устъ дѣвы съ сими словы исхождаше.
Кто дастъ воду, и главу премѣнитъ мнѣ въ рѣки?
Да сколь власовъ, столько слезъ точу во вся вѣки.
Да исправятъ ся въ очи мои убо,
Струя своя удобнѣ поведутъ сугубо;
Не бо широкой рѣки стигійской Еридны,
(Яже течетъ въ царствіи дьявола ехидны,)

Изобильная вода къ слезамъ мнѣ довлѣетъ,
Юже жаждущій Танталъ усты присно вѣетъ.
Ни бурями смущенно и вѣтрами море,
Наносящее всѣмъ страхъ и велико горе,
Ярившееся древле вѣльными волнами,
Что Аріадна хотѣ утолить слезами:
Ни слезы ти, Давиде, плачущъ всю недѣлю,
Имиже свою еси омочалъ постелю;
Ниже слезы оны мнѣ удовлетвориша,
Яже на всякъ день и нощь хлѣбомъ тебѣ быша;
Ни приснотекущая твоя, Петре, струя,
Юже источилъ еси грѣхъ твой искупуя.
Ни слезы Магдалины, имиже на мновѣ
Плачущая, господни омываше нозѣ.
На твоя жажду текущъ, Ниле, седмь потоки,
Имиже наводняешь Египетъ широкій,
Или жду воды, яже въ мокрый годъ бываетъ,
Иже небо къ излишню дождю поощряетъ;
Или хощу водъ, яже при потопѣ быша,
Яже всю вселенную въ конецъ истребиша,
Вся дубравы, вся горы, холмы превзыдоша:
Море бѣ, волны его облакъ досязоша.
Таковыхъ водъ желаю въ сіе мое горе.
Глава моя да будетъ въ сицевое море.
О! очи мои, очи, слезы изливайте,
Слезы къ слезамъ во всю жизнь свою прилагайте:
Плачте, дондеже душа отъ тѣла изыдетъ:
Конецъ капли слезныя въ то время да пріидетъ.

Благочестивая же душа тамо бяше,
Яже въ путь міра сего далекій идяше,
Его же единаго возлюби безмѣрно,
Того на всякомъ мѣстѣ ищущая вѣрно,
Творца всѣхъ Іисуса на крестѣ почивша,
За созданіе душу свою положивша;

Да достигше къ онаго несытому зраку,
   Сочетаетъ съ нимъ себе вожделѣнну браку,
Обручится оному жениху всечисту,
   И ему единому дать себе въ невѣсту.

И сіе егда найде позорище страшно,
   Егда толь страшилище обрѣте ужасно;
Отъ страха и трепета духомъ внутрь смутися,
   Всѣми чувствы, и всѣми уды возмутися,
И сущъ аки внѣ ума, безгласенъ стояше:
   Нѣмъ бысть, никоимъ членомъ дѣйствовать можаше;
Занеже весма суще памяти лишенный,
   На многій часъ бяше самъ отъ себе забвенный.
По времени же многомъ, (въ которомъ отъ смерти
   Лютой едва свирѣпо не бяше пожертый,)
Егда мракъ, что въ страха внутрь его рожденъ бяше,
   Отъ помысла онаго легко отступаше,
И еже въ человѣцѣ разума свѣтило
   Помраченный умъ его нѣчто озарило,
Аки отъ крѣпкаго сна мало ощутися,
   И безсильну возъимѣвъ храбрость ободрися,
Дерзнулъ, уста развергше, языкъ разрѣшити,
   И о состояніи дѣву вопросити.

Яже на кратко время преставши рыдати,
   Нача къ вопросу его сице отвѣщати:
Аще, рече, хощешь о мнѣ уразумѣти,
   И нѣкій на вопросъ твой отвѣтъ получити,
Приклони въ слухъ ухо ти, и внемли опасно
   Словамъ моимъ, слушая сладко ихъ и красно:
Путницу убо себе быти утверждаю,
   Яже въ страны дальныя путь свой совершаю.
И се убо странствуя чрезъ многое время,
   Чаяхъ, вскорѣ низложу тяжко мое бремя,
Достигше пристанища, отягченну выю
   Приклоню, и по трудѣхъ въ покои почію.

Егдаже путь свой начахъ умомъ размѣряти,
Познахъ, что больша мнѣ часть еще странствовати:
Едва не отчаявшесь убо своей жизни
Сѣдохъ здѣ, изнемогши въ конецъ отъ болѣзни;
И недоумѣюще, гдѣ быхъ получила,
Егоже сердцемъ и всѣмъ духомъ вождела.
Начахъ къ твари бездушной горестно вопити,
И отъ оныя себѣ помощи просити:
И тако очи мои завѣсивши въ небѣ,
Звахъ оттуду помощи, якоже есть требѣ,
И восклицахъ: кто дастъ сѣнь отъ солнечна зноя
Главѣ, прохлажденія ради и покоя?
Се бо персть распаленна сожже моя пяты,
Чего ради нѣсть мощно ногамъ путь пріяти.
Да распространитъ липа вѣтви мнѣ растуща,
Или яблонь осѣнитъ главу ми цвѣтуща;
Плоть бо моя и жилы вся изнемогоша,
Кости въ конецъ отъ вара и зноя сосхоша.
Тако, егда въ болѣзни неисповѣдимой
Восклицахъ, и въ печали быхъ неутолимой,
Услыша мя вся бѣды всегда утоляяй,
Внуши гласъ мой молебный въ помощь ускоряяй.
Абіе представъ, рече: вѣмъ, камо грядеши,
Вѣмъ трудъ твой, и вѣмъ, како въ помощь мя зовеши:
Спѣшиши въ градъ горняго Іерусалима,
Путь же твой есть на земли жизнь сія бѣдима.
Молишь мя, да потщуся тебе осѣнити,
И въ благорастворенной сѣни прохладити.
Се иду на помощь ти въ конецъ изможденной;
Се прихожду въ сѣнь тебе бѣднѣ изнуренной.
Зри руцѣ къ древу крестну лютѣ пригвожденны;
Виждь нозѣ свирѣпо сквозь гвоздіемъ пронзенны;
Смотри главу терніемъ острымъ уязвленну;
Зри доброты тварь и всей красоты лишенну;
Зри бокъ острымъ копіемъ прободенный сущій;
Виждь въ немъ крове и воды источникъ текущій:

На конецъ пресвятую зри плоть обнаженну ,
   Ранъ исполненну и всю кровью обагрену ;
Виждь еще пресвятое и пречисто тѣло
   Все язвленно отъ главы до ногу не цѣло.
Сіе древо будетъ ти сѣнь отъ всяка зноя ,
   Подъ сею причастишся яблонью покоя:
Плодъ , иже на древѣ семъ зриши повѣшенный,
   Алчущую ти душу насытитъ вкушенный .
Крове и воды отъ ребръ источникъ текущій ,
   Напоитъ вожделѣнно умъ твой въ жаждѣ сущій :
И тако убо подъ симъ явльшимся ти знакомъ ,
   Съ женихомъ сочтешися вожделѣннымъ бракомъ.
Сіе рекъ , и се сила вспять въ мнѣ ощутися ;
   Се ему глаголющу бодрость въ мнѣ явися.
Тогда азъ подъяхъ очи , зрѣти то хотяща ;
   И се узрѣхъ жениха на древѣ висяща ,
И рекъ : что се, Господи! Кій образъ ужасный ?
   Сія ли есть сѣнь моя и покой прекрасный ?
И отъ ревности устенъ неможа вдержати ;
   Сице дерзнухъ святое древо порицати.
О ! древо непріятно вдающее муцѣ ,
   Мню , что тя насаждаху враждебные руцѣ ;
Древо сѣнь дающее , но къ сну неудобно;
   Сѣнь плачь наводящая , древо есть всезлобно :
Но древо се радостны вѣтви простираетъ ,
   Сѣнь пріятну въ покой мнѣ предъуготовляетъ.
О ! древо пресвятое , вѣтви преблаженны ,
   Мню , вы отъ божіихъ рукъ есте насажденны !
Но кому Тя , Жениче, возмогу сравнити ,
   Присѣннымъ мнѣ покровомъ изволивша быти.
Яблонилъ многоплодной и сѣннолиственной
   Сладцѣ при исходищахъ водныхъ насажденной,
Яже въ плодородіи вся древа преходитъ ,
   Сѣнь , покой , и прохладу всякому наводитъ :
Таковъ еси покровъ мнѣ отъ солнечна вара ,
   Въ алчбѣ снѣдь, въ жаждѣ напой небеснаго дара.

Чело-

Человѣкъ же невѣрный, егда тако странный
Получилъ на вопросъ свой отвѣтъ ему данный,
И зрящъ ужасной образъ всего израненна
Человѣка, на древѣ въ язвахъ повѣшенна,
Видѣвъ раны толики, сердцемъ сокрушися,
Всѣми чувствы поболѣ, духомъ умилися,
И начатъ святу душу прилѣжно молити:
Изволь, рече, ясно мя о семъ поучити:
Простри о человѣцѣ семъ повѣсть удобну,
И исповѣждь вскорѣ мнѣ вся о немъ подробну.

Тая же человѣку въ невѣріи сущу
Пользу хотя принести, въ жизнь вѣчну ведущу,
На вопросъ его отвѣтъ издаде готовый,
Егоже вскорѣ простре сицевыми словы:
богъ, иже предъ вѣки есть въ себѣ совершенный,
И вѣчною славою вѣчнѣ прославленный,
Егда по тайномъ своемъ совѣтѣ создати
Изволи небо, землю, звѣри и пернаты,
Хотящъ паче явити милость свою зѣльну,
Созда душу разумну, и вложилъ есть въ тлѣнну
Плоть оную, и нарекъ созданіе тое
Человѣкъ: вознеслъ его надъ всяко благое:
Ему же благоволивъ всю тварь покорити,
Повелѣ созданіемъ всяческимъ владѣти,
Посадилъ въ раи его сильнаго владыку
Надъ всякимъ твореніемъ далъ власть превелику;
Словомъ: всю тварь оному покори подъ нозѣ,
Да владѣетъ ею; но зѣло не на мнозѣ
Въ сей славѣ пожилъ: ибо неразумѣвъ чести,
Юже пріятъ отъ бога, сведенъ сый отъ лести
Скотомъ, отъ нихъ же лицемъ разнствуетъ, тѣмъ въ страсти
Скверно уподобися, вожделѣ въ грѣхъ впасти.
Прахъ сій, пепелъ и земля суще; о вещь дивна!
Тварь бренна Создателю явися противна.

Не

Не устрашись заповѣдь данну преступити,
Отъ завѣщанна плода дерзнулъ есть вкусити;
И такъ въ единой чертѣ дивно измѣнися:
Ибо вмѣсто благъ, (ихъ же абіе лишися,)
Безмѣрныя принужденъ былъ терпѣти скорби;
Гладъ, жажду, нагость, болѣзнь, всегдашнія борбы.
Но не у конецъ скорби бяше и болѣзни,
Юже человѣкъ терпѣлъ: во всей своей жизни
Нужда бѣ еще ему и смерть претерпѣти;
По смерти же узникомъ діавольскимъ быти.
Но зри милость божію, зри милость велику;
Забывъ преступство оно и вражду толику,
Не терпитъ созданіе свое погибати
Въ толикомъ злѣ до конца, но хощетъ взыскати
Дивнымъ смотреніемъ, и тайнымъ совѣтомъ;
Абіе немедляще съ таковымъ обѣтомъ,
Послалъ есть въ міръ пророки къ роду человѣчу,
Яко богъ имать внити въ утробу дѣвичу,
И бренну плоть, юже намъ благоволилъ дати,
Непостижимо на ся хощетъ воспріяти;
Что и самымъ неложно дѣломъ совершися:
Се бо, иже здѣ виситъ, богъ въ плоти явися,
Сей славу во всемъ мірѣ имѣяше дивну,
Являя отъ чудныхъ дѣлъ силу изобильну;
Слѣпымъ бо видѣніе, хромымъ ходъ даяше,
Нѣмыхъ глаголать, глухихъ слышати творяше;
Откуду Іудеи зависть нань пріяху
И славы толикія не терпяще, яху
Его, и якъ злодѣя судищу предаша
Пилатовому, лгуще: сей Господи, наша
Законы разворяя, творитъ молву въ мірѣ,
И обращаетъ народъ къ своей новой вѣрѣ;
Еще же и Кесарю противится смѣло;
Не хощетъ бо онаго слушати всецѣло.
Совѣтъ убо сотворше, вси единогласно,
Убити, возопиша: но прежде ужасно

Дѣяху мученіе. Егда же довольна
Смѣха насытишася, абіе ранъ полна
На крестъ пропяша; и тако неповинна
Умертви синагога Еврейска безчинна.
Но онъ суще истый богъ и міра создатель,
Единъ сильный жизни и смерти обладатель,
Пребывъ три дни во гробѣ, воскресе преславно
И показалъ есть себе всему міру явно:
Таже вошедъ на небо, во плоть пресвятую
Оболченъ, сѣде отца бога одесную,
Откуду паки имать пріити на судъ страшный
Въ день послѣдній, въ день лютый, въ часъ тяжкій, ужасный,
Воньже отдастъ комуждо дѣлъ своихъ противу
Мзду праведну, достойну, истинну, не лживу;
Раздѣлитъ благихъ и злыхъ на страну различну,
Тѣхъ въ радость введетъ, сихъ же въ муку пошлетъ вѣчну:
Но прежде гласъ трубный съ странъ четырехъ возбудитъ
Усшихъ отъ вѣка людей, и на судъ понудитъ
Пріити: тогда скорбь, яже не бяше отъ вѣка,
Душу въ мертвыхъ воскресша смутитъ человѣка;
Богъ бо будетъ судія и вѣрный свидѣтель,
Истинный всякихъ неправдъ и истецъ и мститель,
Истяжетъ вся тайная сердца и открыетъ;
Абіе же и гнѣвъ свой на грѣшныхъ изліетъ.
Тамо душа исповѣстъ всякъ грѣхъ принужденна,
Камо бѣжать, не видитъ, страхомъ ослѣпленна;
Ниже очесъ возвести отъ трепета смѣетъ:
Окованну бо совѣсть узами имѣетъ,
И видяще судію ни чимъ умолима,
Непрестанные слезы точитъ неключима;
Гласитъ холмы, дубравы, горы призываетъ,
Рѣки, да покрыютъ ю живу, восклицаетъ:
Но тамъ никто помогти душѣ оставленной,
Ни пособить возможетъ въ муку осужденной.
О душе! о судіе! о праведный суде!
Кто сія воспомянувъ безстрашенъ пребуде?

Здѣ Еллинъ познавъ правду святой благодати ,
    Отъ всего сердца тако началъ восклицати :
На семъ мѣстѣ во вѣки желаю пребыти ,
    Да всегда тя , Господи мой , возмогу зрѣти ;
Власы главы твоея кровью обагренны ,
    Болѣзнь въ сердцѣ будутъ мнѣ и уста смущенны ;
А елижды увижду ребро прободенно ,
    Скорбїю имѣть буду сердце уязвленно ;
Очи твои смиженны и выя висяща ,
    Руцѣ , купно и брада кровїю дождяща ,
И всѣ уды твоя мнѣ пронзутъ сердце сквозѣ ;
    Азъ язвленный подъ твоя повергуся нозѣ ,
А плачевное древо обьемше, готовый
    Сїя на немъ написать надгробныя словы :
Се двое , иже сами себѣ смерть задѣша ,
    Овъ въ любвѣ , сей же въ слезахъ себе умориша.

СЛОВО

О НЕСРАВНЕННОМЪ ВЕЛИКОДУШІИ

ВЕЛИКІЯ ВСЕРОССІЙСКІЯ САМОДЕРЖИЦЫ АВГУСТѢЙШІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ,

по благополучномъ

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

отъ прививанія оспы выздоровленіи

говоренное при священнослуженіи

СИНОДАЛЬНАГО ЧЛЕНА,

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ВЕНІАМИНА, АРХІЕПИСКОПА КАЗАНСКАГО И СВІЯЖСКАГО

предъ многочисленнымъ собраніемъ всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ, вышнихъ и нижнихъ чиновъ

Казанскія семинаріи Ректоромъ, Богословіи учителемъ, Спасоказанскимъ Архимандритомъ Константиномъ Борковскимъ, въ каѳедральномъ его Преосвященства Благовѣщенскомъ соборѣ въ Казанѣ, 1768 года Декабря 7 дня.

Во имя Отца и Сына и святаго Духа, аминь.

ЧАСТЬ МОЯ ЕСИ БОЖЕ ВО ВѢКЪ.

Псал. 72. Ст. 26.

На высочайшую степень совершеннаго блаженства со дня на день богомъ возводимая Россіе, что воздаси Господеви о всѣхъ, яже воздаетъ тебѣ? Ежели былъ когда каковой либо народъ любезенъ богу: то не превосходнѣе ли ты любезна Ему? Ежели въ коихъ либо языцѣхъ истощевалъ богъ отеческія благодѣянія свои: то не больше ли въ тебѣ пріятной ему? Ежели въ коемъ либо мѣстѣ, дивная и славная, чудная и умамъ человѣческимъ непостижимая, изъявилъ свои чудеса: то не извѣстнѣе ли оныя показалъ въ твоихъ о Россіе! благословенныхъ предѣлахъ? Въ предѣлахъ тѣхъ, надъ которыми первая по бозѣ владычествуетъ великодушная Героиня, славная человѣколюбіемъ, несравненная крѣпостію своего духа, премудрая Мать отечества, Великая ЕКАТЕРИНА, которая сообразуясь во всемъ человѣколюбивому богу, созданіе свое милующему и утѣшающему, всѣ предпріемлетъ мѣры на своей высочайшей особѣ, собственнымъ примѣромъ показать и доказать онаго невидимаго, вѣруемаго нами триvпостаснаго божества человѣколюбивыя свойства. И подлинно, но какъ достойной сей примѣръ безъ достойнаго (о ежели бы только можно нашимъ умамъ и рѣчамъ исполнить тое!) не должно оставить предъ всемогущимъ богомъ благодаренія, а предъ великодушною Самодержицею вѣрноподданническаго сыновняго усердія: то для сего слѣдующая рѣчь моя предводительствуемая высокомонаршимъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА великодушіемъ да будетъ по-

спѣшествуема и вашего Высокопреосвященства Архипастырскимъ благословеніемъ къ усердному всего сего вѣрноусерднаго собранія слушанію : *часть моя еси Боже во вѣкъ.*

Чудный оный духъ Давидовъ елико больше вникалъ въ непостижимыя таинъ божіихъ судьбы, толико лехче воскрылялся къ вѣденію неиспытанныхъ его совѣтовъ, въ чемъ ему и удавалось въ различныхъ его опытахъ, за вѣрную любовь къ богу и за усердную ревность къ повѣренному ему народу.

Самъ онъ увѣдомляетъ насъ о томъ, когда въ одномъ мѣстѣ говоритъ: *благослови душе моя Господа и не забывай всѣхъ воздаяній его, исцѣляющаго вся недуги твоя избавляющаго отъ истлѣнія животъ твой, вѣнчающаго тя милостію и щедротами, исполняющаго во благихъ желаніе твое.* А въ другомъ; приглашая къ себѣ любезное отечество свое, чистосердечную предъ богомъ свидѣтельствуя благодарность свою, слѣдующій порученному себѣ народу открываетъ манифестъ : *о Господѣ похвалится душа моя, да услышатъ кротцы и возвеселятся, возвеличите Господа со мною и вознесемъ имя его вкупѣ.*

Подлинно горячій былъ къ богу духъ Давидовъ! твердое его было на бога упованіе! да и усердное за его милости, какъ видимъ, было и благодареніе. И какъ примѣчать можно, всему тому его усердію напечатанный на его сердцѣ одинъ сей былъ предметъ : *часть моя еси Боже во вѣкъ.* И правда! что никогда въ семъ своемъ предметѣ, никогда не былъ обманутъ порфироносный Давидъ : всегда былъ крѣпокъ душею, здравъ тѣломъ, силенъ, богатъ, народу любезенъ, врагамъ страшенъ, по старость свою маститую всегда благословенъ, и исходъ его отъ сея жизни во внутреннѣйшую настольную божію книгу записанъ. Давидова кротость и твердое его на бога упованіе по достоинству все оное себѣ заслужило.

Быложъ то нѣкогда въ благочестивомъ и рѣдкомъ между Израильскими народами Царѣ, да уже давно и прошло: а у нашей благословенной Россіи теперь свѣжее, очевидное, осязательное, видимъ, чувствуемъ и созерцаемъ великаго великодушія великія Монархини непостыдное зерцало, въ кото-

которомъ открывается намъ твердое Ея на Всемогущаго Творца упованіе, въ тѣхъ же самихъ словахъ изъясняемое: *часть моя еси Боже по вѣкъ.*

безъ страннаго и ужаснаго восхищенія и подумать отважиться не могу, чтобъ толь великая въ свѣтѣ Монархиня, самоближайшій божій образъ, на котораго раменахъ положена вся тяжесть отечества, для благоденствія и спокойства народнаго, себя и любезнѣйшаго сына своего, его же оправдалъ богъ Наслѣдника намъ, благоволила отважить на не извѣстную опасность, страшную и самому простому народу.

Прививаетъ оспу, прививаетъ Своей и сыновней Особѣ, неоцѣненному обоихъ для Россіи здравію, отъ котораго все цѣлое отечества зависитъ благополучіе!

Оспа! оспа безпокоющая тѣло, томящая духъ, изнуряющая человѣческія члены, моглаль ты одолѣть великодушіе славнѣйшія въ свѣтѣ Россійскія Самодержицы, Героини и безпримѣрныя Монархини? Моглаль ты устрашить и рожденнаго отъ Нея великаго и въ самыхъ цвѣтущихъ еще лѣтахъ непреодолѣннаго Героя, Государя и Наслѣдника Всероссійскаго?

О! ежели бы можно мнѣ было на сей случай, на сіе славное божіе о насъ благоволеніе воздвигнуть изъ мертвыхъ, славнѣйшихъ въ древности героевъ, Греческихъ: Геркулеса, Ахиллеса и протчихъ. Римскихъ: Сципіоновъ, Помпеевъ, Цесарей и другихъ. Карфагенскихъ: Аздрубала, Амилкара, Аннибала и подобныхъ имъ, и изъ самыхъ славнѣйшихъ Государей Кира, Ксеркса, Артаксеркса, Александра и протчихъ въ славѣ имъ не уступающихъ, и вывесть на публичной Всероссійской благословеннѣйшій театръ, гдѣ бы они послышать и въ самой вещи увидѣть могли чудную, во всю вселенную простирающуюся благость божію отъ великодушія ЕКАТЕРИНИНА провозвѣщаемую. боже мой! мнѣ кажется, пришли бы они въ странное изумленіе видя нѣжную и толь надобную Августѣйшую Особу, такимъ опасностямъ себя подвергающую.

Спросили бы, чаю, ково нибудь изъ насъ Россійскихъ сыновъ: что понуждаетъ такой неизвѣстной опасности, толь славную, толь великую, толь премудрую, толь человѣколюбивую въ свѣтѣ Монархиню подвергнуть Себя, да и купно Сына Своего, и Себѣ и отечеству любезнаго? Иль Ей Своя и Сыновняя жизнь не мила? Конечно всякой вѣрной отечества сынъ ускорилъ бы въ отвѣтъ представить слѣдующее: понудило Ея твердое упованіе на бога, и нелицемѣрная любовь къ повѣренному Ей народу, чтобъ Россію вывесть изъ подлаго малодушія, а васъ бы героевъ побѣдить славнымъ Своимъ великодушіемъ, и молодаго Своего Героя представить вамъ непостыднымъ примѣромъ: *ибо часть Ея Богъ во вѣкъ.*

Ежели славно дѣло доктора въ семъ искусствѣ: то несравненно славнѣе великія Монархини великодушіе; ежели славенъ докторъ своимъ щастіемъ: то превосходитъ безпредѣльною славою премудрая Самодержица Своимъ геройствомъ. Великодушествуетъ, ободряетъ свой народъ, выводитъ изъ сомнѣнія малодушные малодушныхъ сердца любезная богу и отечеству ЕКАТЕРИНА, которая купно съ великодушнымъ ПАВЛОМЪ пишетъ на всѣхъ вѣрноподданныхъ сердцахъ слѣдующіе на ихъ благочестивомъ сердцѣ написанныя слова: *часть Наша еси Боже во вѣкъ.*

Посмотримъ же вѣрноусерднѣйшіе слышатели, что въ нашихъ временахъ дѣлаетъ богъ? какимъ снабдѣваетъ насъ благословеніемъ своимъ благостынным? естьли кто большій богъ какъ нашъ, который толикія творитъ у насъ чудеса? Нѣтъ! нѣтъ!

Одинъ Богъ силенъ въ правдѣ и кротокъ въ милости: есть то Богъ нашъ!

Что поздые наши скажутъ потомки, когда послышатъ о семъ важномъ человѣколюбія божія промыслѣ? не скажутъ ли: О! сто кратъ блаженны наши предки, что во времена свои имѣли надъ собою Обладательницу толь великодушную Императрицу, которая и Себе и дражайшаго Наслѣдника для общенародной безопасности въ опасность съ упованіемъ на бога отважить не усумнѣлась.

Не

Не сомнѣваюсь я, что сіе происхожденіе записано будетъ не только въ позднѣйшихъ потомкахъ, но и въ самой вѣчности, что то значитъ сіе ЕКАТЕРИНИНО слово: *часть Моя еси Боже во вѣкъ.*

Потомки будутъ завидовать нашему блаженству, но уже безъ насъ, а мы теперь и видя и чувствуя и осязая толикое божіе къ намъ снисхожденіе, благость и человѣколюбіе, не скажемъ ли съ Давидомъ: *яко не сотвори тако всякому языку, и судьбы своя не яви имъ, яко же намъ.* Не скажемъ ли о самѣхъ себѣ: *блаженны Россійскіе народы, имъ же Господь Богъ ихъ?* и паки: *часть наша еси Боже во вѣкъ?* О! воистинну *велій Господь нашъ и хваленъ зѣло, и величію его нѣсть конца! родъ и родъ восхвалятъ дѣла его, и силу его возвѣстятъ!*

Таковое и толикое дѣло божіе, собывшееся въ нашемъ Россійскомъ отечествѣ, благодарственно воспѣвая, отверзимъ наши вѣрноусерднѣйшіи сердца, и открывшей чрезъ себя толь великія благодѣянія божія, изліянныя на Россію, великой судебъ божіихъ Служительницѣ, нашей Всепресвѣтлѣйшей Самодержицѣ, попечительницѣ, истинной отечества Матери, животъ Свой и Сыновній, за любовь къ отечеству отважившей.

О великодушнѣйшая въ свѣтѣ Героиня! нещастливы мы, что находясь въ толь отдаленныхъ сторонахъ, не имѣемъ того удовольствія, чтобъ очевидно могли поздравить великодушное Твое человѣколюбіе! но повѣрь Августѣйшая Самодержица наша, что и изъ дальнихъ сторонъ не меньше какъ и изъ ближнихъ, столь же скоро и поспѣшно вѣрноподданныхъ Твоихъ, на Твое Матернее лоно, посвященные Тебѣ сыновніе летятъ усердія.

Поздравляетъ Тебя со усердіемъ, яко Матерь отечества общенародное сословіе, въ толь важномъ дѣлѣ благословеннымъ Своимъ предпріятіемъ споспѣшествующей божіей помощи, знакѣ человѣколюбія показавшую, Матерь о чадѣхъ веселящуюся.

Поздравляютъ Тебе яко великодушную Героиню храбрые полководцы, Генералитетъ и все Христолюбивое воинство что обо-

ободряешь всѣхъ крѣпостію божественнаго Своего непобѣдимаго духа, отдаляя отчаяніе, отражая смертныя страхи, укрѣпляя духъ въ геройскихъ сердцахъ собственнымъ Своимъ примѣромъ.

Поздравляютъ Тебе яко священнѣйшую божію помазанницу Архіереи и Іереи со всѣмъ освященнымъ соборомъ, отъ искренняго усердія принося къ богу моленіе сіе: Господи! спаси Императрицу и услыши насъ, воньже аще день призовемъ Тя.

Спаси тую Самодержицу, которая силою Твоею веселится и о спасеніи Твоемъ радуется зѣло; спаси тую великодушную Монархиню, которая твердо уповая на Тя, всегда въ сердцѣ своемъ носитъ сіи Давидовы слова: *часть моя еси Боже по вѣкъ.*

Сего Тебѣ чадолюбивѣйшая Мати отечества, весь народъ, все геройство, все освященное духовенство отъ вѣрноусерднѣйшаго чистосердечія желаетъ.

Пріими сіе великодушно, пріими Августѣйшая Самодержица и благоволи матеролюбно сообщить оное и великодушному великодушныя Матери Сыну, сіянію славы, и образу ѵпостаси своея, а нашему Всероссійскому упованію и непостыдной надеждѣ, Его Императорскому Высочеству ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ, съ нимъ же купно въ крѣпости духа, въ твердомъ здравіи тѣла, и въ непремѣнномъ постоянствѣ божія о Васъ благоволенія премноголѣтно благоденствуя будите всегда благословенны богу вышнему, богу чрезъ Васъ и въ Васъ благоденствующему. буди часть Ваша богъ во вѣки, аминь.

Кончилось печатаніе 1769 года Іюня 2 дня.